

УДК 93/94 (470.631)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-66-81

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ У АБАЗИН

М.Ю. КАМБАЧОКОВА

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kambachokova@yandex.ru*

Аннотация. В работе представлен сопоставительный анализ традиционного и современного состояния института семьи, становления и развития семьи и соционормативной культуры абхазо-адыгов на примере абазин. Исследуются формы семьи, характерные для традиционного и современного обществ, и факторы, способствовавшие эволюции «семейной» нормативной культуры. Особое внимание в статье уделено изучению принципов существования семьи и норм семейного этикета, норм взаимоотношений в семье, правил образования семьи, распределения ролевых обязанностей и прав, системы символов и культурных универсалий. Отмечается сохранение констант обрядовой культуры и этнического этикета абазин в процессе адаптации этикетных норм к современным реалиям и трансформации традиционной культуры и устоев семейно-родственных отношений.

Ключевые слова: семья; большая семья; малая семья; патронимия; абхазо-адыги; абазины; этническая культура; семейный этикет; внутрисемейный быт; иерархия; трансформация.

TRADITIONAL AND MODERN STATE OF THE FAMILY INSTITUTION AMONG ABAZINS

M.Yu. KAMBACHOKOVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: kambachokova@yandex.ru*

Abstract. The article presents comparative analysis of traditional and current state of the institution of family by the case of Abazin society. Research develops within the general framework of formation and evolution of the family and socio-normative culture of abkhazian-adyghe peoples. Under investigation are the forms of family prevalent in traditional and modern society and factors that prompted the evolution of “family normative culture”. Special attention is lent to the principles of organization of family life, the norms of family members’ mutual relations, the rules of the making a new family, assignment of roles and functions between family members, symbolic system and cultural universalities governing family life. Some constant features of the rite culture and ethnic etiquette of Abazins are being preserved in the course of adaptation to the modern realities and respective transformation of traditional culture and fundamentals of relationships within the family as well as between relatives.

Key words: family; expanded family; nuclear family; patronymia; abhaz-adyghe; abazins; family etiquette; family life; hierarchy; transformation.

Со времен начала формирования этносов и развития их этнокультурных контактов социальные институты стали наиболее оптимальным и унифицированным инструментом межэтнических отношений. Любые атрибуты традиционной культуры свидетельствуют о специфических чертах культуры этноса, а потому ретроспекция генезиса и истории института семьи и соционормативной культуры абхазо-адыгов (абазин в частности) представляет значительный интерес не только в научно-теоретическом, но и практическом отношении, позволяя наметить перспективные пути дальнейшего изучения данных аспектов этнической культуры.

В научной литературе существует мнение, согласно которому институт семьи – принятая обществом форма постоянной совместной жизни мужчины и женщины, связанной с продолжением рода. Этот институт включает в себя нормы взаимоотношений в семье, правила образования семьи, распределение ролевых обязанностей и прав, систему символов, в которых общество фиксирует свои представления, связанные с этой сферой жизни. Так, в современном обществе семья понимается как моногамный союз мужчины и женщины, имеющих свободное равное право расторжения брачного союза, несущих совместную ответственность за детей, родившихся в их браке, имеющих право самостоятельно планировать семью, регулировать число детей и т.д.

В результате многовековых этнокультурных контактов народов Кавказа наблюдается их взаимовлияние в области материальной и духовной культуры. Так, характеризуя традиционное и современное состояние института семьи абхазо-адыгов, обнаруживаются значительные черты сходства традиционного этикета и обрядовой культуры этих народов, что не удивительно, так как их связывают не только соседские, но и близкородственные связи. В данной работе мы попытаемся осветить институт семьи абхазо-адыгов на примере самого малочисленного этноса этой группы – абазин.

В XIX в. у абазин имели место две формы семьи: малая, состоявшая из одного-трех поколений близких родственников, и большая, или патриархальная семья. Основной формой семьи во второй половине XIX в. была малая, или нуклеарная семья, хотя число больших семей в этот же период было еще значительным. Большие семьи (тгIачва-ду) в среднем состояли из 8-22 человек. В их состав входили: глава семьи – отец или дед, их жены и все их потомство, холостые и женатые сыновья с их семьями. Большая семья у абазин, как и у адыгов, именовалась и как «старая семья» (абаз.: «унагIважв»; кабард-черкес.: «унагъуэж»). Большие патриархальные семьи у абазин представляли собой единый хозяйственный коллектив, спаянный единством идеологического порядка. Подобная большая семья «была основана на принципах коллективной собственности, коллективного производства и коллективного потребления» [Дбар 2000: 9]. На существование большой отцовской семьи у абазин указывает прежде всего пережиточное сохранение отдельных значительных по

количеству хозяйственно-родственных коллективов. Так, например, в семье абазинского князя Джамбота Етлукова в 50-х годах XIX в. насчитывалось 35 человек (8 брачных пар); в семье башилбаевца Индриса Ганифанова было 32 человека (6 брачных пар); семья Тлисовых из аула Апсуа состояла из 49 человек; семья Апсовых из бывшего Лоовско-Кумского аула – из 60 человек; семья Балловых из аула Псаучье-Дахе – из 52 человек и т.д. [Данилова 1984: 112-113]. Всем жизненным укладом такой семьи руководил старейший мужчина. Глава семьи имел неограниченную власть в своей общине. Он распоряжался по своему усмотрению движимым и недвижимым имуществом семьи, распределял дела между мужчинами в зависимости от сезона и характера выполняемых работ.

Без ведома главы семьи никто из её членов, например, пожелавших выделиться, не мог самостоятельно решить этот вопрос. В противном случае такого могли лишиться имущества и изгнать из семейной общины. При женитьбе сына глава семьи распоряжался вопросами уплаты калыма; при замужестве дочери устанавливал размер получаемого с жениха калыма; разбираал ссоры, возникавшие между членами семьи; строго следил за тем, как соблюдались ими обычаи и общественные порядки. Вместе с тем он же нес моральную ответственность перед сельской общиной за каждого члена своей семьи.

Жизнью женской половины семьи руководила старшая женщина. Жена главы большой семьи ведала вопросами заготовки продуктов, приготовления пищи и одежды, бурок и сукна для продажи, воспитанием малолетних детей и распределением обязанностей между женщинами. Наряду с работой по дому, женщины вместе с мужчинами участвовали и в сборе урожая¹.

В патриархальной семье, входившей в состав сельской общины, сельскохозяйственные орудия, жилые постройки, скот и сад были достоянием всей семьи. Семья получала во время передела пахотные и сенокосные угодья, которые обрабатывались всеми членами семьи совместно. Доходы от земледелия и скотоводства были также общим достоянием. Но наряду с этим имела и личная собственность, которую составляли одежда и оружие у мужчин, приданое и подарки, полученные во время свадьбы у женщин.

Большие семьи встречались как у крестьян, так и у дворян, хотя нередко происходило так, что женатые сыновья последних, получив часть имущества, уходили из отцовского дома и создавали самостоятельные феодальные хозяйства.

Дальнейшее развитие частной собственности и проникновение товарно-денежных отношений в экономику горского хозяйства способствовали разложению семейной общины, на смену которой пришла малая семья. В связи с этим в аулах возникали целые родовые кварталы – патронимии. Члены последней пользовались тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями. В период полевых работ они объединялись для их проведения, но урожай, полученный каждой семьей со своего участка, принадлежал только ей.

У соседних народов, к примеру, у адыгов, также сохранялись большие

---

¹ Мазова Люся Хаз-Гериевна, 67 лет, а. Псыж, 2006 г.

патриархальные семьи. Так, например, по свидетельству Э.Л. Коджесау, у шапсугов еще в начале XIX в. сохранились семьи, насчитывавшие до 100 и более человек [Коджесау 1954: 9]. Другими авторами также засвидетельствовано существование большой семьи у адыгских племен. Так, П.С. Потемкин констатировал в 1784 году наличие большой семьи у кабардинцев: «Каждое семейство, – отмечал он, – от прадеда и до последнего поколения, живет нераздельно и пищу употребляют из одного котла и по своему здесь народ говорит, сколько семей или дворов и столько котлов» [Косвен 1955: 283].

По мнению специалистов, большая семья наиболее устойчива у тех народов, для которых характерна отгонная система скотоводческого хозяйства. Один из исследователей быта населения в армянской деревне в XIX в. Ю.И. Мкртумян отмечает: «В тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей» [Мкртумян 1968: 27]. Считается, что у абазин, к концу XIX в. таких семей оставалось уже немного. Уменьшение численного состава больших семей служит одним из показателей их постепенного распада. Вместе с тем процесс этот продолжался в течение длительного времени, и большая семья даже на последнем этапе своего существования устойчиво сохранялась в абазинском обществе [Данилова 1984: 113].

Отношения внутри семьи (как малой, так и большой) строились с соблюдением строгой иерархии: все её члены подчинялись главе – отцу или старшему брату. Отношения между другими членами семьи складывались на основе той же патриархальной регламентации: младший брат подчиняется старшему, младшая сестра – старшей, младшая невестка – старшей, младшая жена – старшей, первой жене. Во всей этой иерархии характерным было то, что с особенным почтением относились все к старшему из братьев, который являлся помощником и преемником главы семьи. Обращает на себя внимание тот факт, что по отношению к нему соблюдались те же правила этикета, что и по отношению к отцу. Даже старшая сестра, должна была слушаться своего брата. То же самое наблюдалось и у других народов Кавказа. Традиционное почитание старшего исключало какие-либо конфликты между главой семьи (отцом) и детьми.

Долгий процесс бытования у абазин большесемейных общин, по мнению многих исследователей, вызывался объективными социально-экономическими факторами: комплексным характером традиционного полунатурального хозяйства, низким уровнем развития производительных сил, рутинным состоянием техники и т.п. [Данилова 1984: 113].

Во второй половине XIX в. раздел больших семей становится обычным явлением; однако, как правило, братские неразделенные семьи оказывались менее устойчивыми и распадались быстрее. По мнению В.П. Невской, «случаи раздела семей чаще всего происходили после смерти отца» [Невская 1970: 208]. С точки зрения Л.З. Кунижевой, «раздел большой семьи происходил несколькими путями. Отец мог отделить старших сыновей после женитьбы, отчуждая им часть имущества и помогая построить дом. В таком случае

отцовский дом доставался младшему сыну. Но чаще бывало, что отцовская большая семья сохраняла свою нераздельность, однако сразу же после смерти отца или спустя некоторое время происходил раздел братской большой семьи. Инициаторами раздела обычно были младшие братья, стремившиеся к самостоятельности и не желавшие зависеть от старшего брата. Раздел семейного имущества происходил в присутствии родственников, а при конфликтах – в присутствии доверенных лиц и почетных стариков аула. Имущество делилось между братьями поровну, но младшие, в соответствии с майоратной традицией, отдавали старшему некоторую часть из своей доли. Что касается больших семей лыгов¹, то, по обычному праву, они могли делиться только с разрешения феодала и лишь в том случае, если имели свой скот. До отмены крепостного права владельцы всячески препятствовали их разделу, стремясь сохранить их экономически более сильными. При разделе каждая выделившаяся семья обязана была дать владельцу несколько овец. Выделившиеся семьи, как правило, состояли из родителей и неженатых детей. Обычно они старались селиться рядом. Теперь хозяйственной ячейкой была каждая выделившаяся малая семья. Но на первых порах между разделившимися семьями сохранялись тесные экономические связи, принимавшие форму временных трудовых объединений по совместной обработке земли, выпасу скота, уборке урожая, сена. Ведь при комплексном хозяйстве требовалось большое число рабочих рук, которых малая семья не имела. Полевой этнографический материал дает много конкретных примеров родственных хозяйственных объединений. Например, семеро братьев Баловых из аула Псаучье-Дахе (быв. Клычкыт), разделившиеся в предреволюционные годы, объединялись для совместного выпаса скота; Нипа Абдурахман из аула Старо-Кувинского также предпочитал выпасать скот совместно со своими, жившими отдельно, братьями и т.д.» [Абазины 1989: 160].

Раздел братской большой семьи сразу после смерти отца, либо спустя некоторое время – один из обычных путей дробления больших семей. Другой путь – отделение старшего сына при его женитьбе. В этом случае отец выделял ему скот, землю, помогал построить дом. С увеличением частнособственнических тенденций процесс распада больших семей ускорился, и малая семья стала господствующей формой семьи. Одной из причин, способствовавших разделу больших семей, были подымные земельные переделы, введенные в 60-70-х годах XIX в. Разделившиеся семьи образовывали родственные объединения – патронимии, которые включали большие и малые семьи, ведущие происхождение от общего памятного предка.

Абазинская семья на протяжении веков сохраняет многие принципы и нормы семейного этикета. Личные отношения в семье хорошо видны на примере обычаев избегания – различных запретов, соблюдаемых членами семьи или родственниками в отношении друг друга. В прошлом обычаи избегания у абазин, как и у других горских народов Кавказа, были широко распространены, а сроки их были длительными. Как указывалось в

---

¹ Лыг – одно из зависимых сословий в абазинском феодальном обществе.

специальном разделе данной работы, имелись случаи, когда невестка не разговаривала со свекром вплоть до его смерти. Женщины всегда строго придерживались обычая избегания и в отношении старших братьев мужа. По рассказам старожил, обычая избегания строго придерживалось то поколение женщин, замужество которых относится к дореволюционному периоду. Срок избегания в последующие десятилетия стал резко сокращаться. Тем не менее, в те годы еще нередко были и длительные сроки избегания.

Исследуя особенности данного обычая у народов Северного Кавказа, Я.С. Смирнова и А.И. Першиц выделяют четыре подсистемы избегания, при котором две из них ограничивают отношения между супругами и между родителями и детьми, две – отношения между каждым из супругов и его родственниками [Смирнова, Першиц 1978: 62].

Что касается обычаев избегания у абазин, то они чрезвычайно осложняли взаимоотношения членов семьи друг с другом, особенно женщин. Жене и мужу днем не полагалось находиться в одном помещении дома наедине, даже есть за одним столом. Это имело место и у других народов Кавказа. Так, например, К.Ф. Сталь писал об адыгах следующее: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью и то украдкой. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить пожилой простолудин, а князь и дворянин – никогда» [Сталь 1900: 28]. Необходимо подчеркнуть, что нарушение этих запретов было особенно недопустимо при старших, в особенности старших родственниках, в присутствии которых обычаи избегания, как правило, соблюдались даже немолодыми супругами.

Супруги не называли имени друг друга. Имея в виду своего мужа, женщина при разговоре могла употреблять выражения «он», «сам», «хозяин», «ваш отец» (при обращении к своим детям), «ваш зять» (при обращении к своим родственникам) и т.д.

Муж не считал для себя достойным вести какие бы ни было разговоры с посторонними о своей жене. Мужчина, имевший хотя бы небольшое признание в обществе (у соседей, друзей, знакомых, односельчан и т.д.), напрочь исключал для себя возможность намекнуть на достоинства супруги. В этом отношении в народе сохранилось изречение: «Умный хвалится родней, а глупый – женой». Но при крайней необходимости, подразумевая свою супругу, он пользовался выражениями «ваша мать» (при обращении к своим детям), «ваша сноха» или «дочь таких-то (называя девичью фамилию жены)» (при обращении к своим родственникам). Супруги и сами обращались друг к другу с помощью слов или словосочетаний, наиболее ярко характеризующих их внешний вид либо черту характера, или пользовались просто обращением «ей».

Невестка никогда, до конца своей жизни, не должна была произносить имен свекра, свекрови, деда, дядей, братьев и сестер свекра, свекрови и мужа. Она давала каждому из них отдельные имена, выражавшие в большинстве своем либо лучшие черты характера этого человека, либо благопожелания к нему, либо обозначавшие род его деятельности, профессию и т.д.: «Солнечный всадник», «Золотая Кан», «Черноглазая», «Кареглазая», «Самый лучший

дедушка», «Светлоликий», «Мальчик», «Кузнец» и др.

Прослеживая табуирование имен у разных народов мира, Б.Х. Бгажноков приходит к выводу о том, что запреты на произнесение личных имен восходят к представлениям древних людей о произвольности языкового знака [Бгажноков 1978: 119]. Первоначальное возникновение данного явления исследователь связывает с представлением о том, что произнесение личного имени равносильно призыву духа, души его обитателя [Бгажноков 1982: 62].

С первого дня своего замужества для невестки свекровь занимала место матери: невестка практически по всем бытовым, житейским вопросам должна была согласовывать свои действия с указаниями свекрови. Она не могла без ведома последней отлучаться из дому, ходить в гости, покупать что-либо, самостоятельно заправлять какими-либо домашними делами. Будучи полновластной властительницей над всей женской половиной дома, свекровь единолично распоряжалась вопросами приобретения и распределения одежды и нарядов женщин-домочадцев, хранения, приготовления и раздачи (в соответствии с занимаемым положением в семейной иерархии) пищи. Этим, на наш взгляд, объясняется то обстоятельство, что свекровь до самых преклонных лет сама готовила пищу, не допуская к этой процедуре невестку. По сведениям информаторов, даже в тех редких случаях, когда невестка готовила в силу крайней необходимости в отсутствие свекрови, последняя, по ее возвращении, проявляла недовольство, выражая это словами «Не успела я перешагнуть через порог, как эта несносная взялась за чугунок и очажную цепь»¹.

По этому поводу в народе сохранилось изречение: «Если невеста начинает ведать в доме вопросами приготовления пищи, то свекровь становится зависимой от нее».

Власть старшей женщины в этом отношении имела такое распространение, что даже взрослый сын, возвратившийся из наезда (похода) и привезший какие-либо предметы первой необходимости, по обычаю должен был, прежде всего, зайти к своей матери, справиться о ее здоровье и поставить перед ней свою походную сумку с приобретенными вещами (подарками), чтобы та распорядилась ими по своему усмотрению.

В то же время и свекровь имела определенные обязательства перед снохой. Так, она не могла заходить без особой нужды в комнату невестки. Более того, и в случае крайней необходимости она не переступала порога спальни невестки, если подозревала, что у последней постель еще не заправлена. Свекровь старалась приучать сноху к премудростям ежедневных домашних забот в семье не с помощью окриков и ругани, а посредством личного примера и примера других женщин-домочадцев, действуя по известному принципу «Наставляй дочь, чтобы слышала невестка»².

Следуя народной мудрости «Щенок, подражающий умной собаке, становится хорошим псом, жеребенок, походящий на хорошего коня, становится добрым конем», невестка постепенно перенимала у свекрови многие

¹ Какупшева Цацарка Муссовна, 82 года, а. Псыж, 2006 г.

² Мазова Люся Хаз-Гериевна, 67 лет, а. Псыж, 2006 г.

черты ее характера, становясь со временем похожей на нее по образу мышления, повадкам и сноровке.

В первое время после рождения ребенка невестке не позволялось ухаживать за ним: за ребенком и присматривала, и укладывала в люльку, и поднимала только свекровь. Без разрешения рядом сидящей свекрови невестка не смела ни успокоить, ни покормить грудью плачущего ребенка. При свекре и свекрови невестке не позволялось не только приласкать, но и ругать ребенка.

С течением времени и появлением у невестки нескольких (трех-четырех) детей, у нее в доме мужа появлялись определенные права (например, право разговаривать с пожилыми женщинами). К тому времени и свекровь, уже отягощенная своими годами, потихоньку начинала привлекать сноху к наиболее важным домашним делам, в первую очередь – к приготовлению пищи. Со временем свекровь полностью передавала снохе «очажную цепь». Но и при этом сноха могла предпринять какие бы ни было действия по дому только исключительно с позволения свекрови. Если же в доме находилось несколько снох, то свекровь устанавливала очередность их допуска к приготовлению пищи¹.

В большинстве своем безотносительно к достоинствам и недостаткам невестки, свекровь и свекор почтительно относились к ее родным, подчеркивая «Родные невестки и родственники мужа дочери равнозначны».

Самые сложные взаимоотношения в абазинской семье складывались между невесткой и свекром, невесткой и дедом мужа. Невестке нельзя было смотреть на них, находиться в местах их присутствия, разговаривать с ними или при них, показываться им с непокрытой головой. При случайном столкновении со свекром невестке надлежало поворачиваться к нему спиной. Она получала право сидеть в его присутствии после неоднократных его просьб, переданных через других лиц. Она не разговаривала с ним даже тогда, когда сама уже имела детей. В таких случаях свекор через младших членов семьи обращался к ней с просьбой прервать молчание. По этому случаю, он созывал соседей, устраивал угощение и преподносил невестке подарок.

Ночью невестке позволялось удалиться на отдых в свою половину только после того, как свекровь и свекор улягутся спать. Попутно отметим, что невестке также не позволительно было даже прилечь до возвращения домой супруга, как бы поздно он не возвратился (если его отсутствие не было сопряжено с многодневными походами).

Между тем во взаимоотношениях «свекор – невестка» определенные запреты налагались и на свекра. Так, свекру не позволялось при невестке сквернословить, шутить, заходить в комнату во время приема невесткой пищи либо кормления ею грудью ребенка, рассматривать вещи, принадлежащие невестке, трогать их.

Отметим, что аналогичным образом невестке запрещалось разговаривать со всеми старшими родственниками мужа как по отцу, так и, в особенности, по матери.

---

¹ Какупшева Цацарка Муссовна, 82 года, а. Псыж, 2006 г.

Характерным было то, что избегание между родителями и детьми в большей степени касалось отца, нежели матери. Отец никогда при посторонних и старших не брал ребенка на руки, не играл с ним, одним словом, он не должен был проявлять отцовские чувства. Такое наблюдалось у многих народов Кавказа. По этому поводу К.Хетагуров писал: «Только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и поныть, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? Не видел ли кто нашего мальчика?» [Хетагуров 1999: 339-340]. Вместе с тем, необходимо отметить, что за повседневным уходом за ребенком, для матери исключалась возможность сколько-нибудь выраженного и длительного избегания. Хотя ей в конечном итоге так же полагалось воздерживаться от явных проявлений своих чувств.

По мнению Я.С. Смирновой, «обычай избегания надолго сохранились у народов Северного Кавказа не просто в силу консервативности традиций. Возникнув при переходе от матрилокальности к патрилокальности, они в дальнейшем приобрели новые социальные функции, хорошо вписывавшиеся в вобравший их в себя семейный и общественный уклад. И с этой точки зрения главным, что обеспечило консервацию избегания, было на наш взгляд, не чувство стеснительности, не желание предотвратить ссоры и т.п., а трансформация ограничительных отношений в условиях патриархального, а затем патриархально-феодалного строя» [Смирнова 1983: 47].

Во внутрисемейной жизни абазин особую роль играла женщина. Общественное положение абазинской женщины до революции октября 1917 года определялось прежде всего ее сословно-классовой принадлежностью. Дворянка находилась в более привилегированном положении, а положение абазинской крестьянки характеризовалось некоторыми правами и уважением в обществе. Положение женщины соответствовало тому месту, которое она занимала в общественном производстве и в трудовой жизни каждой семьи. Естественно, основные и наиболее трудоемкие отрасли производства – скотоводство, охота, устройство жилищ, обработка дерева и т.д. находились в исключительном ведении мужчин. В условиях натурального и полунатурального хозяйства, каким было хозяйство абазин в XIX в., круг обязанностей женщин в семье был широк и разнообразен.

Так, в крестьянской семье женщинам принадлежала немалая роль в полеводстве. В их обязанности, помимо всего прочего, входила уборка полей. В руках женщин находилось полностью производство всех огородных и технических культур. Прядением, ткачеством, изготовлением одежды и выделкой различных предметов домашнего обихода занимались также исключительно женщины. Одним из характерных тяжелых занятий абазинской женщины было мукомолье – работа на ручных мельницах, требовавшая немалых физических сил. Помимо всего вышперечисленного, на неё возлагалась и другая трудоемкая обязанность: приготовление пищи, кормление

членов семьи и гостей.

В малой семье женщина занимала такое же подчиненное положение, но в ней, особенно если она состояла только из родителей и детей, отношения между членами семьи не подвергались такой строгой регламентации, как в большой семье.

Вместе с тем в народе женщина всегда пользовалась уважением. Мужчина по отношению к женщине беспрекословно придерживался традиционного этикета, в соответствии с нормами которого он был обязан:

- встать при появлении женщины;
- уступить место женщине;
- при разговоре не перебивать её;
- защищать честь и достоинство женщины и т. д.

Особенно почитаемой была мать. Не допускались неприличные выражения, ссоры или драки в присутствии женщины. «Мужчина, видя проходящую мимо женщину, хотя бы в значительном расстоянии, – пишет Хан-Гирей, – непременно должен встать с места и не садиться вторично до тех пор, пока она не удалится, какого бы, впрочем, ни была она звания и достоинства, а также, встретясь с женщиной, он приветствует её подниманием руки к голове и желанием ей доброго дня. Также и женщины, встретив мужчину, останавливаются лицом к нему и, пропустив его, продолжают свой путь. Когда войдет в дом мужчина, какого бы он ни был звания и состояния, то женщина встает с места, хотя бы даже вошедший был её крепостной человек. Девуцы никогда не отказываются сшить что-нибудь, когда о том их просит мужчина» [Хан-Гирей 1992: 274].

Внутрисемейный быт, который складывался на основе вековых патриархальных традиций, выявлял подчиненное положение женщины и оно проявлялось во многих сферах семейного быта. С одной стороны, женщины высших сословий вели, как правило, праздный образ жизни, в основном занимаясь только лишь рукоделием. Они всегда пользовались большим почетом, и особенно это выявлялось на каких-либо торжествах. В частности, у адыгов наблюдалось своего рода рыцарское поклонение даме. По замечанию Б.Х. Бгажнокова, «во время рыцарских состязаний, устраиваемых по поводу того или иного торжества, победителю полагалось презентовать полученный им приз кому-либо из присутствующих знатных девушек. Возвращаясь из походов, воин считал своим долгом подарить что-либо из добычи признанной красавице округи или какой-нибудь почитаемой женщине» [Бгажноков 1999: 21-22].

Вместе с тем положение знатных женщин во внутрисемейном быте также осложнялось всевозможными запретами, как, например, запретом сидеть за одним столом с мужчинами, есть вместе с ними, сидеть в их присутствии, отсутствием права голоса в решении семейных дел.

Если же женщина не принадлежала к высшему сословию, она подвергалась двойному угнетению: классовому – со стороны господ и семейному гнету со стороны мужа.

Адат и шариат освящали и закрепляли приниженное положение

женщины. Здесь мы имеем сложное переплетение норм адата и феодального правопорядка. В нем нашли яркое отражение патриархальная практика и идеология. Это мы видим, в частности, в семейных и имущественных отношениях. Так, женщина у абазин не могла быть собственницей или наследницей недвижимого имущества ни у отца, ни в доме мужа. Ограничены были ее права и в отношении движимого имущества: она могла свободно распоряжаться лишь своим приданым. Приданое, которое иногда достигало значительных размеров и которое по праву принадлежало жене, укрепляло положение женщины в семье мужа, создавая материальные основы известной ее независимости. Следовательно, через приданое, наряду с другими средствами, род женщины влиял на ее судьбу в замужестве. Согласно обычному бракоразводному праву, являющемуся одним из критериев положения женщины, последняя при легко достижимом разводе забирала обратно доставленное ею приданое. Но из совместно с мужем нажитого имущества она ничего не получала, причем и дети, конечно, оставались непременно в отцовском роду. Иначе говоря, при разделе учитывался только мужской состав семьи, женщины же могли рассчитывать лишь на безусловное право наследования имущества своей умершей сестры.

Как отмечалось выше, после смерти отца наследство переходило к сыновьям, вдова же и дочери не получали никакой доли наследства, даже если в семье не было сыновей, имущество доставалось либо брату умершего, либо, при отсутствии такового, другому ближайшему родственнику по мужской линии. Конечно, при этом оговаривалось, что наследуемый должен был полностью взять на себя заботу об оставшихся без мужа или отца женщинах. Правда, в конце XIX в. уже выявляется тенденция, когда наследницей становилась жена. Но такое исключение из общего правила составляли, как правило, женщины из высших сословий. Например, в 1880-х гг. после смерти князя Сида Заурумова семейное имущество (100 овец, 10 голов крупного рогатого скота, 1 лошадь, сакля, домашняя утварь, выкупная плата с крепостных крестьян – 120 руб.) досталось его жене Наго [Мостовский 1874: 120].

Несмотря ни на что, в процессе этнического развития абазин женщина стала играть значительную роль в семье, в семейных отношениях и в обществе. Она становится координирующим звеном между старшими и младшими, между отцом и детьми, между родственниками мужа и ее родными. Новое положение абазинской женщины в семье, рост ее авторитета и независимости, расширение ее общественной деятельности – характерны сегодняшнему дню. Нынешняя экономическая самостоятельность и изменившееся положение женщины в обществе в условиях демократии и полового равноправия сыграли решающую роль в изменении ее положения в семье. Самым важным моментом во всем этом является то, что преодолен традиционный взгляд на женщину как на домашнюю хозяйку, принадлежащую только семейному очагу. Наряду с современными формами бытового равноправия сохраняются и закрепляются лучшие черты традиционных правил поведения по отношению к женщине.

Одним из основополагающих принципов во внутрисемейной этике абазин

является самоуважение. Если верно изречение «Глаза – зеркало души», то вполне закономерна и такая мысль: «Язык – зеркало народа». В связи с этим, у абазин существуют пословицы, которые призывают человека к самоуважению. Например: «Не уважая себя, нельзя добиться уважения от других», «Уважение со стороны людей соответствует твоему самоуважению».

В лексиконе абазинского языка немало значительных по смыслу и глубоким выражений и слов. К таким относится, например, дошедшее до нас сквозь призму веков слово «хІатыр». В абазинско-русском словаре оно представлено в двух значениях – «услуга» и «одолжение». Однако, употребляясь в различных ситуациях, термин «хІатыр» приобретает и другие значения. В семье всегда говорили младшим, что «человек, имеющий «хІатыр», всегда будет уважать себя». Обращаясь с просьбой об услуге, людьми часто употребляется данное слово: «Во имя Аллаха (АллахІ йхІатырла), прошу довести дело до конца», «Уважаемый (хІатыр зму) человек, помоги мне», «Бога ради (АллахІ йхІатырла), не позорь меня...» и т.д.

Поведение человека в семье определяло его самоуважение и уважение людей по отношению к нему. Старшие в семье поучали молодых: «Кто обладает самоуважением, другого человека не обманет, никому не навредит, не будет преследовать с не благими намерениями», наставляли: «Дурному отдай кусок кожи и проходи мимо». Достопочтенный человек всегда придерживался этой народной мудрости.

Важнейшей составляющей частью внутрисемейной этики является застольный этикет. Традиционный застольный этикет во всей полноте своей проявляется на многолюдных торжествах, свадьбах, при присутствии гостя в доме и т.д. Многие традиции, связанные с застольным этикетом, с течением времени подверглись трансформации, но основные его черты, выражающие мировоззренческую концепцию, сохранились.

В современном абазинском застолье сохраняется один из основных принципов – норма поведения между старшими и младшими, свидетельствующая о глубокой традиционности. Младшие, выражая уважение к старшим, не только должны больше молчать в их присутствии, но также не смеют садиться рядом с ними. Нужно иметь в виду, что при этом учитывается не только возраст, но и родственные отношения. Сын, например, никогда не сядет за один стол с отцом, зять – с тестем, племянник – с дядей, младший брат – со старшим¹.

В каждом застолье избирается тамада, который садится в «головной» части стола, рядом с ним – гости и соседи.

В абазинском застолье воплощается и этническая специфика народа, и потому первый официальный застольный тост, который произносит тамада, традиционно посвящается здравью народа. Тамада может подряд произнести несколько тостов, которые проникнуты гуманным смыслом. Затем он предоставляет слово старшему со стороны хозяев, после чего – старшему представителю гостей.

---

¹ Кенжев Рауф Салехович, 72 года, а. Кубина, 2005 г.

В момент провозглашения тостов тамадой, старшим из хозяев, все присутствующие за столом поднимаются и слушают стоя.

Обычно тамада пользуется значительными правами и привилегиями. Глава стола, предоставляя слово кому-либо, характеризует этого человека, а получивший право на тост, благодарит его.

Тамада всегда провозглашает тост за младших – что также традиционно. В своих словах он подчеркивает почтительное отношение младших к старшим и гостям, а также их выдержанность, скромность и терпение.

Только тамада имеет право на завершение застолья, а до этого никто не должен покидать стол без его позволения. Весь церемониал застолья длится несколько часов. Этика обязывает, чтобы никто не остался без внимания.¹

Следует отметить, что, несмотря на трансформационные процессы, детерминированные изменениями в традиционной культуре народов Кавказа в советский и постсоветский периоды, главные константы обрядовой культуры и этнического этикета абазин остались неизменными. К примеру, в современной жизни абазин, в семейно-родственных взаимоотношениях сохраняются основные черты традиций. Прежде всего роль и функции главы семьи исполняет по-прежнему отец, который наделен неограниченными полномочиями в семье. В роду все вопросы зачастую координирует старший по возрасту. Сохраняется семейная иерархия, где всегда можно наблюдать разграничения функций каждого члена семьи: старший, младший, племянник, внук и т.д. Старший сын в семье и сегодня является вторым лицом после отца; в отсутствие отца к старшему сыну традиционно переходят фактически все функции главы семьи, и он вправе решать все вопросы в семье [Тхайцухов 2005: 20]. Глава семьи (отец) при решении каких-либо проблем собирает старших по возрасту в своем роду, в том числе и старшего сына, а иногда и дочь, и советуется с ними по самым насущным вопросам, например, по организации свадьбы сына, племянника или же по вопросам, связанным с похоронно-поминальными обрядами и другими мероприятиями.

Воспитание ребенка также входит в компетенцию главы семьи. Традиционным остается подчинение младших старшему. Непослушание младшего по-прежнему расценивается как неуважение к семье в целом.

Вместе с тем в настоящее время встречаются исключения, когда функции главы семьи после смерти отца переходят к старшей женщине.

В семейно-родственных отношениях все еще сильны экономические связи, которые проявляются в трудовой и материальной помощи. Они являются особыми видами взаимопомощи между членами семьи и рода.

Взаимоподдержка между членами семьи и рода играет особую роль на свадьбах, во время привода невесты в дом её родителей, рождения первого ребенка, приезда желанного гостя издалека, на юбилейных торжествах, во время похоронно-поминальных обрядов и т. д.

Вместе с тем постепенно продолжается трансформация обычных запретов. Например, в настоящее время обычай избегания в той или иной мере

---

¹ Пазов Умар Исмаилович, 77 лет, а. Кубина, 2005 г.

свойствен скорее сельскому быту, нежели городскому, хотя в последние годы и в селах этот обычай стал понемногу ослабевать. Гораздо медленнее отмирает избегание между женой и старшими родственниками мужа. Теперь супруги, как правило, свободнее общаются друг с другом, называют друг друга по имени.

Многие замужние женщины перестали покрывать голову платком в присутствии старших. В большинстве семей уже не считается неприличным первым начать разговор с отцом, обедать с ним вместе, сидеть в его присутствии. Характерной чертой современной семьи стало равное участие мужа и жены в решении всех внутрисемейных вопросов.

В современную эпоху одним из важных факторов развития абазинской семьи, как и у всех народов Северного Кавказа, является быстрый рост ее материального благосостояния и культурного уровня. Новые явления в материальном быте и культурной жизни не могли не сказаться на разделении труда между членами семьи: теперь все чаще можно наблюдать отход от традиционного разделения труда по полу. Например, некоторые обязанности – привести детей в детский сад и забрать их оттуда, делать покупки, присматривать за детьми, обрабатывать огород и ухаживать за скотом и многое другое, которые были преимущественно женскими, теперь выполняются также и мужчинами. Вместе с тем многие работы по дому, такие, как приготовление пищи, уборка, стирка, побелка жилища, дойка коровы, в подавляющем большинстве остаются специфическим женским занятием.

Решающее значение в абазинской сельской семье имеют не те или иные конкретные формы, а установившийся в семейном быту общий принцип равноправия взрослых членов семьи, в том числе и их равных обязанностей.

Все изложенное дает основание заключить, что в современной абазинской семье наблюдается тенденция постепенного, но уверенного отхода от многих традиционных норм, столетия сопровождавших развитие этноса. Современная семья, как правило, нуклеарна (состоит из мужа, жены и детей), малодетна, ее идеал характеризуется равенством прав, обязанностей и ответственности, а также равенством свобод. Безусловно, мы не исключаем и того факта, что есть еще семьи, быт которых четко носит на себе отпечаток прошлого. Но и в этих случаях действует, трансформировавшись в новых условиях, народная традиция, сила общественного мнения, родственников, соседей и т.д.

Таким образом, сопоставительный анализ традиционного и современного состояния института семьи абазин показывает, что в послеоктябрьский период традиционные формы соционормативной культуры стали частью модифицироваться, частью подверглись существенным новациям. Трансформация общественно-семейного быта абазин привела к тому, что социальные институты функционируют путем конвергентного развития, сохраняя свое значение в этнокультуре, адаптируя этикетные нормы к современным реалиям, способствуя формированию этнического самосознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазины 1989 – *Абазины* (историко-этнографический очерк) / Научный редактор А.И. Першиц. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение ставропольского книжного издательства, 1989. – 240 с.

Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 97 с.

Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 163 с.

Бгажноков 1982 – *Бгажноков Б.Х.* Психология и техника коммуникативного поведения адыгов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 47-75.

Данилова 1984 – *Данилова Е.Н.* Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 144 с.

Дбар 2000 – *Дбар С.А.* Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.) – Сухум: «Алашара», 2000. – 133 с.

Коджесау 1954 – *Коджесау Э.Л.* Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1954. – 17 с.

Косвен 1955 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 265-374.

Мкртумян 1968 – *Мкртумян Ю.И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века // Советская этнография. – 1968. – № 4. – С. 14-29.

Мостовский 1874 – *Мостовский М.С.* Этнографические очерки России. – М.: Университетская типография (Катков и К°), 1874. – 152 с.

Невская 1970 – *Невская В.П.* Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Серия историческая. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. – С. 174-225.

Смирнова 1983 – *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.). – Москва: Наука, 1983. – 265 с.

Смирнова, Першиц 1978 – *Смирнова Я.С., Першиц А.И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 61-70.

Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Вып. 21. – Тифлис, 1900. – С. 1-178.

Тхайцухов 2005 – *Тхайцухов М.С.* Принципы и нормы этики у абазин в историческом прошлом и современной повседневной жизни. – Черкесск-Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет, 2005. – 77 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 335 с.

Хетагуров 1999 – *Хетагуров К.Л.* Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 1999. Т. IV. – С. 313-374.

REFERENCES

Abaziny (istoriko-etnograficheskii ocherk) / Nauchnyi redaktor A.I. Pershits [Abazins (historical-ethnographic outline) / Scientific editor A.I. Pershits]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1989. – 240 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 97 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskii etiket* [Adyghe etiquette]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 163 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Psikhologiya i tekhnika kommunikativnogo povedeniya adygov*

[Psychology and technics of communicative behavior of Adyghe]. IN: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya narodov SSSR* [National-cultural specifics of discursive communication of the peoples of the USSR]. – M.: Nauka, 1982. – P. 47-75. (In Russian)

DANILOVA E.N. *Abaziny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie khozyaistva i obshchinnoi organizatsii* [Abazins. Historical-ethnographic study of economy and social organization]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. – 144 p. (In Russian)

DBAR S.A. *Obychai i obryady detskogo tsikla u abkhazov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Customs and rites of childhood cycle among Abkhazians ()]. – Sukhum: «Alashara», 2000. – 133 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 335 p. (In Russian)

KHETAGUROV K.L. *Osoba (etnograficheskii ocherk)* [Osoba (ethnographic sketch)]. IN: *Khetagurov K.L. Sobranie sochinenii: v 5-ti t.* [Khetagurov K.L. Collected works: In 5 Vols.]. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie V.A. Gassieva, 1999. Vol. IV. – P. 313-374. (In Russian)

KODZHESAU E.L. *Semeinye otnosheniya shapsugov v proshlom i nastoyashchem. Avtoref. diss. kand. ist. Nauk* [Family relationships of Shapsugs in the past and the present. Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. – M., 1954. – 17 p. (In Russian)

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Vol. 1. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. – P. 265-374. (In Russian)

MKRTUMYAN Yu.I. *Formy skotovodstva i byt naseleniya v armyanskoj derevne vtoroi poloviny XIX veka* [Modes of cattle breeding and the way of life in Armenian village in the second half of the 19th century]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1968. – No. 4. – P. 14-29. (In Russian)

MOSTOVSKII M.S. *Etnograficheskie ocherki Rossii* [Ethnographic sketches of the Russia]. – M.: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°), 1874. – 152 p. (In Russian)

NEVSKAYA V.P. *Perezhitki rodovoi obshchiny i semeinaya obshchina u karachaevtsev v XIX v.* [Vestiges of the clan community and family community among Karachais in the 19th century]. IN: *Iz istorii Karachaevo-Cherkesii. Trudy Karachaevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Iss. VI. Seriya istoricheskaya* [From the history of Karachai-Circassia. Proceedings of the Karachai-Circassian research institute. Iss. VI. History series]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – P. 174-225. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S. *Sem'ya i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – XX vv.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th – 20th centuries)]. – Moscow: Nauka, 1983. – 265 p. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S., PERSHITS A.I. *Izbeganie: formatsionnaya otsenka ili «eticheskii neutralitet»?* [“Avoidance”: formational assessment or “ethical neutrality”?]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1978. – No. 6. – P. 61-70. (In Russian)

STAL' K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic outline of the Circassian people]. IN: *Kavkazskii sbornik. Iss. 21.* – Tiflis, 1900. – P. 1-178. (In Russian)

TKHAITSUKHOV M.S. *Printsipy i normy etiki u abazin v istoricheskom proshlom i sovremennoi povsednevnoi zhizni* [Principles and norms of ethics of Abazins in the historical past and modern everyday life]. – Cherkessk-Karachaevs: Karachaevo-Cherkesskii gosudarstvennyi universitet, 2005. – 77 p. (In Russian)